УДК 304.9

С.Е. Азинцев

РОССИЙСКИЙ СОЦИУМ И СОЛЖЕНИЦЫН: ОПЫТ ЧАСТНОГО ВЗГЛЯДА

Российский социум времен Солженицына рассматривается как сложная диссипативная система, находящаяся в навязанной извне жесткой системе координат авторитарного режима и, тем не менее, подверженная нестабильности. В нестабильных диссипативных системах даже малое воздействие на критическую точку может привести к турбулентностям и бифуркации. Одна из критических точек российского социума сформирована напряжением, вызванным отсутствием свобод во всех взаимоувязанных проявлениях и квинтэссенцией несвободы – репрессиями. Феномен Солженицына 1962 года – это прорыв словом писателя плотины их замалчивания. Возникшая в связи с этим бифуркация в ряду других изменила социум, в том числе понизила чувствительность и к слову. В 1990-е годы и далее предполагаемая востребованность Солженицына как одного из основоположников перемен не состоялась из-за отклонения вектора развития российского социума от ожидаемой траектории.

история, диссипативная система, сознание, творчество, конформизм, бифуркация, авторитаризм, свободы, репрессии, «Один день Ивана Денисовича», «Архипелаг ГУЛАГ», 1990–2000-е годы.

Введение

Автор не относится к литературоведам, политикам, филологам, биографам, литературным критикам, архивистам – всем тем, кто имеет профессиональные основания претендовать на тему «Солженицын» и время от времени эти претензии удовлетворяет. Не будем, однако, забывать, что Солженицын – это уже история, а ее, думается, должны отражать не только специально обученные «летописцы», которым поручен очередной «краткий курс».

Изучать историю по одной-двум книгам – то же, что изучать структуру заболеваний в стране по нескольким историям болезни. Кроме того, объективность любого гуманитарного, в частности исторического, текста ограничена системой взглядов автора, что относится и к предлагаемому ниже тексту. На эту систему налагается система взглядов заказчика, цензора и т. п., что к предлагаемому нами тексту не относится. Объективной может быть лишь научная формула, ибо ее справедливость можно проверить в воспроизводимых опытах. (Даже в этом случае справедливость формулы ограничена областью познанного – вне этой области ее приходится модифицировать.) Исторический же опыт не воспроизводим, а изучать его по летописным «формулам», содержащим органично авторские или навязанные ему конъюнктурные искажения, просто опасно: без усвоения *истинного* опыта сложные системы не выживают – ни организмы, ни

социумы. Адекватные опыту мутации предостерегают от повторения ошибок и способствуют формированию поведения, соответствующего изменяющейся обстановке. Собственно, именно это и входит в определение понятия «жизнь».

Истинная история – это история *народа* и, следовательно, полифония, интеграл от частных взглядов на событие или фигуру.

Обсуждать творчество выбранной нами фигуры можно по-разному. Представляется, что наиболее значим аспект свободы: именно в этом аспекте творчество Солженицына коснулось значительно большей части социума, чем вышеназванные профессиональные сообщества. Особенно наглядно это проявили те индивиды, кто «Солженицына не читал, но…».

Александр Исаевич прожил яркую жизнь: война, награды, тяжелое заболевание, литературное творчество, «диссидентство», лагеря, эмиграция. Нельзя сказать, что такой перечень распространен, и все же он характерен для России. Тем не менее, в силу особенностей «жизни и судьбы» роль Солженицына в событиях оказывалась более значимой, чем других персонажей отечественной истории со схожими биографиями. Такое «попадание» в события, особенно остро проявившееся в ноябре 1962 года, и стало темой настоящей работы. Поскольку Солженицын *воздействовал* тогда на российский *социум* как некий импульс к *свободе*, следует определиться с ви́дением выделенных нами курсивом понятий. При этом мы будем исходить, в частности, из следующего: «Иван Денисович» коснулся лишь одной стороны несвободы, которая, однако, автоматически влечет за собой другие, ибо «свобода» – понятие связное и многомерное.

Выбранная в данной работе система отсчета для гуманитария непривычна. Кроме того, как и всякая база, она абстрагирована от конкретики. Поэтому на некоторое время нам придется забыть и о Солженицыне, и о России и обсудить, что вообще есть влияние человека на социум. Тут возможен специфический взгляд, который перебрасывает мостик от истории и социологии к другим наукам.

1. Социум

Социум состоит из структурных единиц, содержащих от двух (вступившие в брак) до порядка миллиарда (Китай) индивидов. Характеристики таких единиц формируются под воздействием целого ряда факторов: национальных и территориальных; сложившейся культуры; изменяющихся толкований истории; текущего социально-экономического и психологического состояния страны, области, микроколлектива; влияния масс-медиа и политических сил. Все характеристики имеют относительно постоянные и переменные составляющие, причем функции распределения по какому-либо одному признаку могут влиять на функции распределения по другому признаку. Например, политическая или покупательная активность многих граждан в день значимого футбольного матча заметно меняется.

Группы, анклавы и кластеры социума неоднородны: их разделяют природные условия, жизненные уклады, менталитет, профессиональные особенности и т. д. Однако, как организм более высокого порядка, социум стремится увя-

зать все свои фрагменты в жизнедеятельность, способствующую выживанию целого. Эта непростая задача требует не только эффективного использования ресурсов, но и относительной стабильности – своеобразного «гомеостаза». Поэтому социум консервативен не менее чем живой организм, но именно в этом и заключаются основные его проблемы и основные отличия от живого организма. Сама по себе стабильность бесперспективна – она нужна лишь как база и сдерживающий фактор развития, без которого социум погибает. Ключевую роль в дихотомии «стабильность – развитие» играют системы управления. К сожалению, методы их формирования и качества существенно «обогащаются» привходящими факторами, унаследованными от пращуров не лучшими для социума человеческими свойствами управленцев. Поэтому они далеки от уровня систем управления того же живого организма, которые формируются эволюцией путем выбора оптимальных решений.

Теми или иными методами к рычагам управления приходят «убежденные» демократы или иные, не менее «убежденные» индивидуумы (консерваторы, исламисты, «зеленые», «красные» и пр.). Однако, как говорил Л. Толстой, нет убеждений тверже тех, что основаны на личной выгоде. Оказавшиеся у власти озабочены нередко не столько жизнедеятельностью социума, сколько использованием и пролонгированием в личных целях достигнутого привилегированного положения [1]. Проявления этих «здоровых убеждений» личности, наделенной властью, редко ограничены ее собственной мудростью, государственностью, креативностью, скромностью, совестью, великодушием и т. п., гораздо чаще – только ограничительными барьерами социума. У несовершенного социума эти барьеры низки, за что сам он и расплачивается стагнацией или (и) авторитаризмом. Последний, являясь вожделенной вершиной «природных убеждений», доводит коллизию до логического конца, навязывая социуму уже не общественно важные, а свои собственные шаблоны поведения и пресекая не соответствующее им инакомыслие.

В отношении подобных процессов социум часто инертен, гражданское общество не развито и узурпации власти вполне «отвечает» природная склонность большинства к конформизму, подчинению, растворению в массе: такое большинство составляет с властью закономерную пару. Природный конформизм подмечают и психологи. «Хорошая приспособленность часто достигается лишь за счет отказа от своей личности… Индивид перестает быть собой, – подчеркивает Э. Фромм, – полностью усваивает тип личности, предлагаемый ему общепринятым шаблоном, исчезает различие между собственным «я» и окружающим миром... превращается в робота, подобного миллионам других… Мы… живем под влиянием иллюзии, будто мы самостоятельные индивиды... психологический робот живет лишь биологически, эмоционально он мертв» [2]. Этим «винтикам машины... хорошо накормленным и хорошо одетым автоматам» автор про-

---

[1] Азинцев С.Е. Локальность и глобальность // Экономические стратегии / Институт экономических стратегий ООО РАН. 2012. № 4–6.

[2] Фромм Э. Бегство от свободы : моногр. / пер. с англ. Г.Ф. Швейника. М. : Прогресс, 1990. 267 с.

тивопоставляет художников, ученых и философов, у которых все еще встречаются, хотя и весьма редкие, проявления индивидуальной свободы. Однако оптимизма в отношении значимости таких проявлений он не испытывает.

Поскольку «винтиком» человек не рождается, подавление любой социальной моделью свободных проявлений индивидов начинается на уровне воспитания. «Воспитание и образование слишком часто приводят к уничтожению непосредственности и к подмене оригинальных психологических актов навязанными чувствами, мыслями и желаниями», – отмечает З. Фрейд [3].

Маленького человека вынуждают подавлять в себе свободные интенции, вступающие в конфликт с социальными табу. Об этом же пишет и Р. Ошо: «Все дети творческие. Мало-помалу мы разрушаем их творчество... навязываем неправильные верования... отвлекаем... делаем их более и более экономическими, политическими и амбициозными… Мы делаем 99 % людей нетворческими… Все творческие источники… заткнуты, заблокированы, разрушены, и вся твоя энергия… силой направлена в деятельность, которую общество считает достойной оплаты… Деньги, власть, престиж – это… не только не творческие, но и разрушительные виды деятельности… Преуспеть в так называемом мире – значит потерпеть глубокое поражение… в мире внутреннем… С детского сада до университета… наше обучение… – это попытка разрушить правое полушарие и помочь левому. Где-то между семью и четырнадцатью годами мы добиваемся успеха, и ребенок убит, ребенок разрушен… Он становится гражданином... учится путям дисциплины, языка, логики, прозы… Его больше и больше интересуют власть, деньги, он начинает думать, как стать более образованным, чтобы получить больше власти... больше денег... большой дом... он смещается» [4].

Большинство индивидуальных сознаний стабилизируется в той нише, где между внешними влияниями и внутренними направленностями устанавливается динамическое равновесие. Стоит из него выпасть – и человек дестабилизируется, например, пенсионер, занимавший в социуме достойное место, но вырванный из привычной информационной среды, динамического стереотипа поведения и привычного психологического давления социума.

Разумеется, в таком огромном статистическом ансамбле, как социум, встречаются и флуктуации – отклонения от единообразия и «нормы». К примеру, нынешний уход детей и части взрослых в виртуальный мир в какой-то степени объясняется именно стремлением вырваться из стандартов к свободе, которую в компьютерной игре можно проявлять без опасений. Там можно делать якобы что угодно, без прессинга социума. Однако на самом деле это иллюзия, которую сам же социум и насаждает. Это еще один его стандарт. Истинные отклонения – от хиппи и бомжей до слишком прогрессивных изобретателей, мыслителей и политиков – социум отвергает, в самом гуманном варианте вытесняя их на обочину. Это и вынуждает

---

[3] Фрейд З. Психология бессознательного : моногр. / пер. с нем. М. : Просвещение, 1989. 447 с.

[4] Ошо. Творчество : моногр. / пер. с англ. И. Потаповой. СПб. : Весь, 2004. 192 с.

многих членов общества к конформизму и подчинению, доходящему порой до абсурда. Вот яркая зарисовка из записок М. Гаспарова:

– Дурак! – крикнул попугай.

– Виноват, Ваше благородие! Я думал, что Вы птица.

Не правда ли, в жизни встречаются подобные диалоги и без участия птиц?

А вот тот же религиозный мыслитель Ошо: «Так называемые признанные люди, уважаемые люди полны мусора… которым хочет набить их общество, – и общество компенсирует это, выдавая им награды… Если ты уважаем идиотами, это означает, что ты ведешь себя в их стиле, согласно их ожиданиям. Быть уважаемым этим больным человечеством означает, что тебе придется быть еще более больным, чем они... Видели ли вы респектабельного человека, который сделал бы что-то творческое? Он пугается. Если он сделает что-то неправильно, что будет с его престижем? Он не может себе этого позволить» [5].

Было бы странно, если бы власть предержащие не пользовались описанной склонностью большинства к конформизму, и такие странности возникают нечасто. Тем не менее, любая стагнация рано или поздно заканчивается или социум погибает. Причины этого, а также механизмы переходных процессов, связанных в том числе с феноменом Солженицына, требуют рассмотрения социума в качестве так называемой диссипативной системы.

2. Диссипативная система

Понятие «диссипативная система» адекватно самым разным объектам бытия: физическим, химическим, биологическим, экономическим, социальным и др. Термин происходит от «диссипация», означающей *рассеяние.* Например, автомобиль с выключенным двигателем продолжает двигаться по инерции, но в конце концов останавливается. Причина – рассеяние: кинетическая энергия его направленного движения (упорядоченный процесс) рассеивается, преобразуясь в теплоту – неупорядоченное движение молекул воздуха и дорожного покрытия. Подобно этому, какой-нибудь «информационный повод», например избрание папы римского, захватывает и направляет в узкую область интересы миллионов людей. Однако после «белого дыма» и объявления имени внимание к Сикстинской капелле быстро рассеивается и переключается на разнонаправленные житейские «информационные поводы».

Кроме рассеяния, диссипативные системы отличает и *нелинейность*, то есть результат воздействия на систему не пропорционален воздействию: он может быть не только далек от ожидаемого, но и противоположен ему. Ярким примером могут служить итоги борьбы с алкоголизмом или горбачевской перестройки в СССР.

Еще одно важное обстоятельство: эффективность воздействия на диссипативную систему зависит не только и не столько от его «силы», сколько от *направленности,* так как среди возможных направлений изменения системы (ее степеней свободы) есть определяющие. Их называют «*параметрами порядка*».

[5] Ошо. Творчество.

В результате изменения какого-либо из них в диссипативной системе могут возникнуть *области неустойчивости*. Это наиболее вероятно при воздействии на *критические точки* системы, которые подобны точкам акупунктуры живого организма. Даже незначительные воздействия на такие точки могут привести к внезапному *когерентному* (согласованному) поведению составляющих системы и резкому ее переходу в новое состояние. Поскольку траектория перехода и конечное состояние системы могут ветвиться, такой переход называют «*бифуркацией*» («би» – два).

Когерентное поведение миллионов составляющих системы означает, что они проявляют себя не как простая сумма единиц, а как нечто, приобретающее совсем иное качество. Квант света (фотон) может пройти сквозь среду, содержащую огромное число атомов, почти не «замеченным» или может быть рассеян ими в любом направлении. Однако, если среда находится в некоем особом состоянии, он может вызвать лавину себе подобных – именно так работает лазер. Подобно этому, из одной точки вскипает или кристаллизуется жидкость, возникают ядерный взрыв или социальные катаклизмы. Люди толпы под воздействием какого-нибудь лозунга могут повести себя непредсказуемо, проявляя несвойственное каждому из них в отдельности поведение. Таким образом, «критическими точками» диссипативной системы могут служить не только центры кипения или конденсации жидкости, но и человек – Марат, Наполеон, Суворов, Солженицын и т. д. Это то, что на обыденном языке называют «оказаться в нужное время в нужном месте».

«Арабская весна» началась с тунисского торговца, доведенного до публичного самосожжения социальными проблемами. В личном плане это событие, конечно, огромное и трагическое, но в масштабе страны, тем более конгломерата ближневосточных стран, – не слишком, увы, значительное. Однако в данном случае личная трагедия оказалась настолько адекватна критической точке неустойчивой диссипативной системы, что привела к бифуркации не только в Тунисе, но и в других арабских странах.

Этот пример ярко иллюстрирует также и содержание самого термина «бифуркация», указывающего на возможное ветвление траектории скачка. За «жасминовой» тунисской революцией последовали другие революции «арабской весны». Их названия, как и «оранжевая» в Украине, отражали ожидания перехода к демократическим свободам западного образца, развитию экономики и т. п. Однако прогнозисты забыли, что если всколыхнуть застойную воду, то со дна неизбежно поднимается муть, в том числе с дубинами, зажигательной смесью – «коктейлями Молотова», мешками награбленного, национализмом, шовинизмом... При турбулентном состоянии социума каждый получает возможность играть на том инструменте, которым владеет, «жирные караси» мечутся в беспокойстве и теряют насиженные позиции, а разного рода «рыбаки» разбрасывают приманки, в том числе пахнущие отнюдь не цветущим жасмином.

В арабской весне смешались разные времена года и разные виды когерентного поведения различных слоев многомерного общества: и сторонники западной демократии, и исламисты, и нищая улица, и криминал. Насколько

в подобной обстановке были оправданы ожидания, желающие могут гадать, но как в Тунисе, так и в других арабских странах переходы пошли по совсем иным траекториям. Типичной оказалась радикальная исламизация, разочаровавшая многих участников и наблюдателей революций.

Когерентное поведение митингующих толп свойственно далеко не только арабским странам. В последние годы оно не раз возникало, например, на площадях столиц республик бывшего СССР – Москвы, Киева, Тбилиси и др. Влияние на происходящее сложившихся обстоятельств и активных индивидуумов определяется внутренними связями диссипативной системы. Разные люди обладают различной социальной «валентностью», то есть связаны с разным числом окружающих: президент страны и хуторянин, хирург и уборщица клиники, автор статьи и наборщик газеты. Отсюда и разная степень влияния каждого из них на социум. Это напоминает особенности плазмы, содержащей свободно движущиеся, но тесно связанные электрическим полем положительные и отрицательные заряды в равных концентрациях (ионы и электроны). Если в плазме возникает *избыточный* заряд, то к нему тут же устремляются противоположные заряды, экранируя его в сфере некоторого объема – такого, чтобы сумма зарядов противоположного знака была равна избыточному заряду. Чем больше избыточный заряд, тем больше этот объем, больше «радиус экранирования», то есть с большим числом других зарядов он связан взаимным влиянием. В контексте такой метафоры степень влияния человека на общество определяется его «социальным зарядом».

В каждом социуме устанавливается некоторое распределение величины «социальных зарядов» индивидов. Социум и его правители стараются поразному использовать это распределение в интересах собственного выживания, однако такое стремление не всегда может противостоять естественным, хоть и скрытым законам эволюции диссипативных систем. Флуктуации (проявления свободы) неизбежны, а их редкость в какой-то мере компенсируется возрастанием их значимости как основы будущих бифуркаций. Пессимизм Э. Фромма, З. Фрейда, Р. Ошо в вышеприведенных цитатах, а также не упомянутый О. Шпенглер (о «закате Европы»), П. Бьюкенена (о «смерти Запада»), как и теория «тепловой смерти Вселенной», явно преувеличен. Как и всякая живая система, социум автоматически закладывает зерна свободы уже на стадии появления очередного поколения.

Вышеописанное – это и есть та база, на основе которой мы попытаемся оценить причины и характер влияния А.И. Солженицына на российский социум.

3. Объект творчества Солженицына

Режиму, в котором довелось жить и творить А.И. Солженицыну, посвящены сотни исследований. В сущности, мы не добавим ничего нового, но обязаны вычленить некоторые стороны его «свобод», поскольку Солженицын послужил одним из катализаторов связанных с ними процессов.

Как противники, так и сторонники режима не отрицают его тоталитарность – расходятся лишь в оценках. Сторонники говорят о его «эффективности», и они правы в своей системе отсчета, если под эффективностью понимать валовое развитие промышленности и обороноспособность. Однако в современном понимании эффективность определяется не наличием заводов-пароходов, а соотношением «цена – качество» в производстве продукции, повышающей уровень жизни. В такой системе отсчета осовремененный рабовладельческий режим далекого прошлого вряд ли выдерживает критику. Достаточно упомянуть, что в названном соотношении «цена – качество» первый компонент часто содержал и человеческие жизни. Человек системы становился заложником неких абстракций, идей «особого пути», меняющихся в зависимости от политической конъюнктуры, диктуемой «самодержцем».

В Древней Греции одно из толкований понятия «гражданин» состояло в том, что в отличие от раба гражданин мог себя защитить. В СССР не мог защитить себя никто, кроме одного человека, которому защищать себя было не от кого. Таким образом, гражданское общество, способное контролировать избранную им власть в своих собственных интересах, отсутствовало. Режим кормился за счет крестьян, у которых изымалось все, включая право покинуть резервации, именуемые колхозами; промышленная (порой и научная) продукция производилась в том числе и силами зэков, но уже в других резервациях – лагерях и шарашках. Для тех, кто находился по другую сторону колючей проволоки, ограничений было меньше, но счастье такой дислокации в любую минуту могло оказаться в прошлом.

История знает не одну диктатуру, и каждая уникальна по-своему. Советский социум в отличие, например, от послевоенного восточноевропейского формировался так долго, что его несвобода поддерживалась уже не только извне, но (частично) и изнутри – самой психологией человека. Люди в массе своей не осознавали ни характера своей зависимости от режима, ни существования в природе альтернативы по той причине, что среда, в которую попадаешь с рождения, принимается как естественная независимо от уровня ее свобод, воспитание и образование закрепляют убежденность в такой «норме», а иные среды остаются неизвестными. (Именно поэтому после войны Сталин опасался своего «народа-освободителя», невольно познакомившегося с иной жизнью.)

Упоминание соотношения «цена – качество» требует коснуться и второго компонента, который также оставлял желать лучшего, за исключением части оборонной и связанной с нею продукции (приоритет режима). Причина – в низкой производительности труда из-за отсутствия свободы творчества и свободы внедрения плодов науки в производство. Научных и технологических идей в СССР было не меньше, чем в передовых странах, однако на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы тратились чрезмерные ресурсы, а полученные в них достижения упирались в непреодолимые технологические и бюрократические барьеры.

В централизованной системе управления есть плюсы и минусы, что зависит, как всегда, от их соотношения. Управление всеми компонентами и связями

огромной страны из одной точки, будучи естественным следствием диктатуры, противоречило общеизвестным основам экономики. Даже в пределах отдельного организма мозг, «возглавляющий» центральную нервную систему, не считает возможным заниматься каждой царапиной на ноге – с этим вполне справляется периферическая нервная и сосудистая системы.

Нельзя сказать, что необходимость повышения производительности труда не осознавалась и не провозглашалась, однако четкого понимания проблемы так и не возникло, поскольку существовала взаимоисключающая мотивация. С одной стороны, естественным было стремление делать больше и лучше, а с другой – повышение производительности труда порождало конкуренцию рабочей силы, то есть безработицу, которая исключалась априори. Работать были обязаны все, ибо неработающий «элемент» выпадал из системы контроля и даже преследовался по закону. Один из ярких примеров – поэт Иосиф Бродский – и «тунеядец», и Нобелевский лауреат.

Из-за двойственного отношения к производительности труда технологические прорывы реально не поддерживались, поэтому деловая активность была демотивирована, а ее скрываемая реализация грозила не поощрением, а наказанием.

Контролировать все сущее, тем более непредсказуемо возникающее, для подобного режима желательно, но невозможно, поэтому перечень контролируемого вынужденно был конечным. По этой причине не приходится удивляться, что, начиная с «философского парохода», режим выкорчевывал или подрезал все торчащее «не туда», любые ростки свободной мысли, несмотря на то, что именно они могли способствовать оздоровлению и процветанию социума. Их же полагали не только не нужными, но и вредными, препятствующими сдвигу массового генофонда назад – в сторону психологии подчинения, которая в России насаждалась веками. Это была апелляция к некоему симбиозу казарменного и архаичного сознания, например, к тем бунтам после отмены крепостного права, в которых крестьяне требовали вернуть помещиков. К такому предпочтению несвободы как нельзя лучше подходит и психология осажденной крепости, насаждающая «армейское» состояние сознания в мирное время. Эта управленческая находка позволяет в какой-то мере компенсировать отсутствие нормального управления нормальной экономикой. Если социуму приказано «ощетиниться» в адрес неизбежного внешнего врага, то с колбасой и телевизором можно – хоть и со вздохом – подождать, в крайнем случае можно съездить за ними в Москву.

Вырваться за пределы внутренних барьеров было так же невозможно, как и за их общий «железный занавес». Людей насильственно делали рабами навязчивой идеологии, основанной на базисном мифе «особого пути», который противоречит научным истинам, мировому опыту и задачам выживания в конкурентной среде. Под миф требовалось подгонять все позывы и проявления производства, науки, культуры и даже личной жизни. Впрочем, о науке разговор отдельный. Поскольку индивидуальную мысль регламентировать трудно, в головах советских ученых рождались идеи, в том числе мирового уровня. В отдельных случаях, когда речь шла об обороне страны, и ученых, и их идеи удавалось отстаивать на «колеях»

относительной свободы (примеры – Л.Д. Ландау и С.П. Королев), однако это, скорее, флуктуации общей «нормы».

«Смотрящими» за соблюдением заданного «регламента» ставились специально обученные люди, подобранные так, чтобы ими было проще манипулировать. Чаще всего это были выходцы из рабоче-крестьянской среды, не отягощенные избыточным образованием. Были и индивиды, имеющие образование, не состоявшиеся в профессии, но жаждущие карьеры. Открывшиеся возможности и благодарность за неожиданные привилегии диктовали им норму поведения: преданно проводить назначенную «линию» без вопросов и изысков. Более образованные и изобретательные среди них иногда получали (или инициативно чувствовали) карт-бланш на интерпретацию мифов, пока сами не становились пищей карательных органов в силу самой природы режима. Тем более это относилось к тем из них, кто, вопреки системе и ее «линии», неожиданно прозревал и пытался что-то говорить или делать иначе. Революции пожирают не только своих детей (как Юпитер), но и их пролонгированные следствия.

Граждане великой страны, не репрессированные и не изгнанные изначально, получали привилегию подвергнуться этому позже. Они признавались (по социальному происхождению и некоторым иным признакам) пригодными в качестве экспериментального объекта управления. Они приглашались в подчинение новым идеям с простыми, понятными всем правилами жизни. Подчинение поощрялось нищенским, но гарантированным социальным статусом, содержащим в том числе периодическое понижение цен и минимальные меры социальной поддержки. Гарантированность выживания, с одной стороны, и иждивенчество – с другой, выхолащивают в сердцевине социума всякую инициативу и порождают уже не формальное, а истинное тунеядство: «вы делаете вид, что нам платите, мы делаем вид, что работаем». (В нынешней Западной Европе гарантированный социальный статус хлынувших в нее эмигрантов позволяет не работать вообще.)

Жесткую цензуру можно рассматривать как внешнее воздействие на колебательную систему. До поры до времени система реагировала вяло. Человек занят повседневными проблемами, получает целенаправленно искаженную информацию и не проявляет противоречащих ей гражданских позиций. Человека делает информация. Если с детства ему диктуют одни и те же мантры особого пути, то это приводит к интериоризации – внешнее становится внутренним, и люди в массе своей следуют навязанной «норме», пока их лично что-нибудь не заденет всерьез.

Что касается той части народа, которая видела шире и могла стать зародышем «гражданского общества», то в ней возникали: подчинение неизбежности; карьерное следование указанному тренду вплоть до резонансного реагирования с собственными инициативами; сопротивление – от потребления дополнительной информации («вражеские» голоса) и молчаливого ухода в нейтральную деятельность до заведомо обреченных публичных демаршей. Если вычесть (за малостью) сопротивление, то на остальное вполне могут опираться разного рода диктаторы, что и делают.

Вышеописанное, конечно, не означает, что советский период следует рисовать исключительно черной краской в той жесткой системе координат, в которую авторитаризм в целях самосохранения загнал родную диссипативную систему. Некоторые степени свободы в ней оставались неизбежно. Под любой глыбой – как бы ни придавливала землю – существует жизнь. Даже в пределах физической, морально-психической и духовной резервации, даже в лагере Ивана Денисовича падать духом и опускаться нельзя никак – загрызут и погибнешь. В самых жестких условиях природа находит или формирует в граните трещины: люди жили, любили, мечтали, творили, так или иначе воплощая органичный потенциал свободы. Поэтому в СССР было немало хорошего и даже замечательного, о чем справедливо печалятся те, кто помнит обсуждаемые времена. Наряду с невольной, изнурительной, ненавистной работой, даже у лагерника Шухова может пробудиться элемент свободы – что-то вроде радости труда, свойственной крестьянину. Тем более она возникала по другую сторону проволоки – со всякого рода творчеством и энтузиазмом. «Несмотря на…», появлялись замечательные произведения искусства и литературы, научные работы и всякого рода прорывы (с разными судьбами авторов и их произведений). В лаборатории ученого внешний мир исчезал вообще, у музыканта и художника рождались образы вне официальных заказов, инженер изобретал электронику или конструкции, толковый рабочий выдумывал технологии и оснастки, летчик шел на новые головокружительные виражи…

Наряду с «подсидками», подозрительностью и преследованиями, на другом полюсе существовали взаимная поддержка, взаимовыручка, а понятие «совесть» гораздо реже, чем сейчас, имело товарное измерение и вызывало иронические ухмылки. Вообще, качество межличностных отношений было в среднем выше, чем нынешнее, модифицированное «обществом потребления». Заведомая невозможность материального преуспевания смещала людей в интеллектуально-духовную сферу, которая сближает больше, чем конкуренция на рынке труда и пустая жажда обогащения. Наряду с «лакированными» фильмами, пьесами и книгами о всеобщем счастье, были истинные индивидуальные и народные радости, восторги юнг перед походом в плаванье, ликования по поводу Победы, полета Юрия Гагарина и т. д. Такие индивидуальные и когерентные проявления – это те степени свободы, по которым сохраняется возможность движения диссипативной системы вне проложенной колеи, в том числе к нестабильности, турбулентности и бифуркациям.

Кстати сказать, авторитарный режим необязательно и (или) не во всех отношениях ведет к полной стагнации и распаду. Он вполне может сохранять жизнеспособность, словно паровоз со старыми, но хорошо пригнанными и смазанными валами, колесами и шестернями, который катит по своим рельсам, не обращая внимания на проносящиеся по разным путям локомотивы и поезда на воздушных подушках. Любопытно, как разошлись два восточных «прицепных вагона»: Китай, в конце концов, осознал тупик несменяемой единоличной власти и пошел существенно иным путем, а Северная Корея довела авторитаризм до карикатурного зеркала, в которое всем нам и особенно власть предержащим полезно иногда смотреть.

Любопытно, что диалектика технологического отставания содержала и позитивный для социума компонент: натуральные продукты, к которым не научились подмешивать красители, заменители, усилители вкуса; выбор того из технологических решений (без лишних предварительных затрат), которое победило на Западе в быстро развивающейся конкуренции, и т. д. По восточной поговорке умная птица летит сзади всех, однако в нашей стране отставание было не от «ума» – хотелось как раз быть «впереди планеты», а от невозможности пользоваться им из-за приоритета неограниченного властвования, выдаваемого за передовую идеологию. Такая позиция минимизирует возможность полнокровного развития ростков, которыми органично насыщено «тело» социума.

У авторитаризма есть и другие специфические плюсы. Он, например, может выстроить эффективную армию, которая по определению является авторитарной, то есть адекватной режиму структурой. Такой и была Советская армия во вторую половину войны и после нее – вплоть до времен, когда ей потребовались разнообразные высокотехнологичные (и высокозатратные) ресурсы, создаваемые вне армии. Последнее требует сбалансированной передовой экономики, в противном случае страна «не тянет» гонку вооружений и либо разваливается, либо из перечня лидеров выбывает.

С ценой такой режим не считается, и потому вполне может мобилизовать социум и добиться цели в любом направлении в ущерб, разумеется, другим. Можно завалить человеческими костями болото и построить на них «окно в Европу». Можно через пару веков назначить для костей иное место – Беломорско-Балтийский канал. В целях решения военно-политических задач можно выстроить эффективную физико-математическую школу, школу внешней разведки и создать ядерное оружие. Даже и в космос можно первыми выйти («Зато мы делаем ракеты…»), что для режима важно не само по себе, а как аргумент в политике.

Тем более возможны достижения меньшего масштаба вроде спуска на воду ледокола, помпезной стройки, запуска высотного дирижабля, грандиозного фестиваля или перелета через Северный полюс. Такие события, и как, например, выигранный матч мирового первенства, вызывали когерентное чувство единства и «гордости за державу» – тонкая психологическая материя, которая, тем не менее, работала на режим, «склеивая» социум и понижая тем самым его бифуркационный потенциал.

В «органике» неподконтрольных степеней свободы диссипативной системы случались и такие критические точки, которые не только не были связаны с воздействием власти, но и возникали вопреки ее воздействиям и просчетам. Нельзя, например, не вспомнить о поистине великой бифуркации, позволившей сломить чудовищного врага и добиться Победы. У колосса на глиняных ногах, который, по мнению агрессора, должен был тут же развалиться, оказались могучие подспудные жизненные соки. Обладая обширной разведывательной информацией, немецкие аналитики были все-таки не в состоянии просчитать все особенности диссипативной системы под названием СССР. К их изумлению, за родную землю самоотверженно сражались и верящие в мудрость вождя и (или) коммунистические догмы, и не верящие, и колхозники, и интеллигенты, и наме-

ченные к лагерю, и после лагеря, и вместо лагеря, и тот же А.И. Солженицын, причем далеко не только из-за ока Народного комиссариата внутренних дел или ружей заградительных отрядов.

Разве могли немецкие стратеги и их «русоведы» предвидеть критические точки, дремлющие в подсознании чуждого им народа? О них не знали даже и сами носители будущих точек: непросто прогнозировать, что именно возникнет в душе, когда выяснится, что эйфория власти насчет «разобьем врага на его территории» окажется блефом? Разве можно предсказать, как подействует открывшаяся катастрофа, как поведут себя ленинградцы в блокаде или войска в окружении, связанном с просчетами власти, в том числе с репрессиями в армии. (О массовом сопротивлении агрессору автору настоящей работы известно не только из публикаций, но и из рассказов отца-фронтовика.) Разве можно было предвидеть, как будут действовать на души и мотивации поведения, например, песни военных лет – их слова, музыка и «народное» исполнение Лидии Руслановой или Марка Бернеса. Только открывшиеся в социуме степени свободы позволили ему переструктурироваться и выстоять на фронте и в тылу. В турбулентностях военного времени было всякое, но было и когерентное героическое поведение, особенно яркое в отдельных эпизодах…

Некоторая инерция обретенной социумом свободы, стимулируемая Великой Победой, сказывалась и в послевоенное время, проявляясь в ожиданиях иной жизни, в хождении непривычных для России заграничных предметов и фильмов, в популярности «запрещенных» песен В. Козина, А. Вертинского, П. Лещенко и т. д. Такого рода проявления свободы – запрещенные книги, пластинки, журналы, Высоцкий, «Битлы», заграничные тряпки, мода на напитки, стили поведения и т. п. – продолжались (и подавлялись) вплоть до развала СССР.

Все это, конечно, не только частные, но и беглые, причем весьма поверхностные наброски общеизвестных истин. Однако без их вычленения в сложной многомерной диссипативной системе было бы сложно обсуждать возможность продуктивного воздействия на нее отдельных смельчаков, способных бросаться на амбразуры власти, которые появляются неизбежно даже в атмосфере репрессий. Где-нибудь из некоего глубинного, несжимаемого уровня социума все же пробивается самосознание, росток свободы.

Казалось бы, что может отдельный смельчак? Однако вспомним о «параметрах порядка» сколь угодно сложной и громоздкой диссипативной системы. Если некая сила адекватна ее критической точке, то при всей ее малости со счетов ее сбрасывать уже нельзя.

4. «Новый мир»

Социум стабилен при соблюдении тонкого баланса в диалектической паре «ограничение – свобода» – избыток того или другого может вывести его из равновесия и повысить вероятность бифуркаций. История России – яркое тому свидетельство.

По названным выше причинам стабильность предполагает также наличие развития. Хотя общество и не равно сумме индивидуальностей, его развитие реали-

зуется именно через индивидуальные устремления. В обсуждаемом социуме система управления развитию не способствовала. Естественное стремление крестьянина, мыслителя, предпринимателя, изобретателя к самореализации было задавлено. «Глубоко эшелонированные» шлагбаумы, «ежи», рогатки и шаблоны пронизывали всю толщу общества, начиная с ограниченных по тематике школьных сочинений по литературе, где требовалось анализировать образ Наташи Ростовой, «Малую Землю» и т. д. с определенных позиций. Способы планирования и распределения, празднования и осуждения, творческие работы (особенно в гуманитарной сфере), демонстрации, соцреализм, карьерные лестницы, выражение «партийности» и т. д. должны были следовать строго заданным алгоритмам. Каждый человек не только свои слова, но и мысли должен был соотносить с именем вождя или обращаться к его портрету – несоблюдение этого околорелигиозного ритуала вызывало у «смотрящих» подозрение.

Любопытно, что в ряде случаев люди *должны* были совершать свои действия *добровольно*: вступать в пионеры и комсомол; голосовать за «блок коммунистов и беспартийных»; собирать макулатуру и металлолом; осуждать «врагов» народа; выходить на демонстрации и субботники; участвовать в «социалистическом соревновании»; сдавать кровь и т. д. Тем самым власть отдавала дань врожденной потребности всех представителей фауны в свободе. Однако ее усеченный, уродливый вид («свобода по приказу») напоминал homo sapiens, что домашний жеребец отличается от дикого только привычкой к узде. Разве свобода не блеф, не мираж, стремиться к которому глупо и бессмысленно?

Интерпретация свободы у каждого своя, и социумы ищут общий знаменатель по-разному. Авторитаризм предлагает самое простое решение: нет свободы – нет проблемы, и от этого предложения трудно отказаться. Но он требует еще и «расслабиться и получать удовольствие» от того, что душа находится в коробочке под полным контролем! Насколько все это ему удалось, видно в том числе по феномену Солженицына.

В сущности, этот феномен основан на том, что сжатая со всех сторон пружина, призванная охранять стабильность, сама же и создавала «упругий» бифуркационный потенциал. Он стократно умножался преследованиями, «увязавшими» в один трагический узел – своеобразную критическую точку – все слои общества. Вокруг нее зловеще витала аура подозрительности, доносительства и страха, имевшего более чем серьезные основания.

Слово «отца народов», наделенное более, чем всякое другое, действенной силой, воплощало ее в форме моральных и физических репрессий – изнурительных, унизительных и кровавых. Чуть ли не каждая вторая семья – независимо от социального статуса – имела к ним то или иное отношение. Любого человека, даже искренне преданного режиму, легко могли «взять». Соседу понравилась квартира, друг захотел выслужиться, ученый, художник или военачальник увидел опасного конкурента? Не вопрос: личную проблему можно решить через заказ власти на врагов по текущей тематике. Ее задавали «сверху» очередной кампанией-игрой. За ней следовала игра более высокого порядка – по устранению «перегибов».

В дискурсе стабильности, основанной на несвободе, обсудим роль двух произведений Солженицына. Тема репрессий в его творчестве была «благодатной» в том единственном смысле, в котором это прилагательное здесь допустимо: сталинизм сделал ее неисчерпаемой. Репрессии – это логичный финал, квинтэссенция несвободы, которую обсуждаемый режим довел до максимума, внедрив для этого «ежовые рукавицы» контроля. В то же время всякий максимум, как знают представители точных наук, является положением неустойчивого равновесия, которое долго сохраняться не может. Впрочем, «долго» – понятие относительное, его может хватить не на одну человеческую жизнь.

Связанное с репрессиями напряжение, имевшее бифуркационный потенциал, пронизывало и охватывало *весь социум*, что отражалось даже в его фольклорных степенях свободы: лагерные термины, байки, песни и стихи, в том числе в «интеллигентных» вариантах («Товарищ Сталин – вы большой ученый…» и т. п.) ходили в народе как органичная составляющая жизни. «Срез» социума, приведенный в «Иване Денисовиче», показал, что в лагере сидит не только герой повести – крестьянин-фронтовик, которому случилось побывать в плену. Там заключены старый большевик, баптист, столичный деятель культуры, морской офицер, подросток, прибалт (очередная «неправильная» нация) и т. д. С другой стороны, с ними «сосуществуют», составляя своеобразный конгломерат, их антиподы – от «гражданина начальника» того или иного уровня до рядового вертухая. В солженицынской «капле воды» они также представляют заметный, притом весьма активный, значимый, мобилизованный на «очистку рядов», слой социума.

Если какие-то клетки неадекватны живому организму, то с ними борются лимфоциты, фагоциты и макрофаги. Фагоциты получают информацию о чужеродной клетке (или о собственной, но поврежденной или состарившейся), которая действует не во благо организму, и передают ее иммунной системе для выработки антител. Последние активно очищают среду от вредных компонентов, включая «шлаки». При нарушениях названного механизма развивается самоотравление продуктами собственной деятельности. Эта тонко настроенная важнейшая система обеспечивает здоровье (стабильность) организма и возможность его развития. Что-то вроде иммунной системы конструирует и нормальный социум в виде независимых систем власти, органов надзора и т. п. Случается, однако, что иммунитет организма воюет с собственными *здоровыми* клетками. Такое аутоиммунное заболевание приводит, в конце концов, к гибели органа или всего организма.

Случается такое и в социумах. Сталинские «макрофаги» пожирали не только необходимые для развития квантовую механику, нормальную историю, литературу, экономику, философию и генетику с кибернетикой, но и нормальных, то есть инициативных, крестьян, рабочих и предпринимателей. Пожирали они и самих себя. Даже размышления в одной голове – это, по сути, спор, опирающийся на доказательную базу. Здесь же требовалось единомыслие без размышлений, имевшее базой единственный, причем бессмысленный аргумент – преданность некой абстракции и ее персонификации, воплощенной в многочис-

ленных живописных и скульптурных портретах. К чему все это приводит – общеизвестно, но выводы делаются и реализуются далеко не всегда.

Напряжение социума возникало не только из-за самого факта репрессий, но и в связи с чудовищной психологической асимметрией: при всей их массовости и накале связанных с ними страстей в информационном поле репрессий как бы не существовало, это была страшная «фигура умолчания». Случались, правда, чудовищные театральные спектакли московских процессов с раздавленными душами обвиняемых и обвинителей. Случались и официальные газетные истерии по относительно редким поводам, которые «сверху» назначили быть яркими, – журналов «Звезда и «Ленинград», «убийц в белых халатах» и т. п. Однако, что именно следовало после подобных выпадов и гораздо более тихих, но массовых, не только публиковать, но и обсуждать можно было только с зашитым ртом. Табуированность темы, придававшая ей какую-то инфернальность и особенную чувствительность, сохранялась и после XX съезда КПСС, поскольку основы, на которых она стояла, разрушены не были. Стоит ли тогда удивляться, что № 11 «Нового мира» за 1962 год стал истинным взрывом, который помнит и автор настоящей работы! Если XX съезд – это землетрясение, то «Новый мир» – это своего рода вторичный толчок (афтершок), последовавший в связи с ним и вслед за ним. В образовавшуюся трещину хлынули боль и надежды социума, связанные не только с лагерями, но и с иными несвободами, которые тянутся друг за другом в клубке родственных составляющих. Феномен Солженицына служит ярким примером того, чем для социума может стать Слово, если оно попадает в критическую точку.

Можно ли утверждать, что бифуркацию вызвал А.И. Солженицын? И да, и нет. Да, поскольку именно он был автором опубликованного рассказа, названного повестью. Нет, поскольку одного только физического присутствия в социуме этого автора и этого текста было бы явно недостаточно для бифуркации. Такие же и даже куда более информативные и страшные тексты Варлама Шаламова, Евгении Гинзбург и других свидетелей происходящего существовали в рукописях без всякой надежды на публикацию.

Текст становится информацией, способной воздействовать на социум, когда распространяется по каналам, связывающим его с адресатами. «Иван Денисович» стал «малым возмущением» критической точки социума, благодаря усилиям не только автора. Здесь и окружение Александра Трифоновича Твардовского в редакции «Нового мира», и поддержка рассказа значимыми деятелями культуры, и сам Твардовский, проявивший незаурядную твердость и мужество вопреки цензуре, и, конечно же, воля Н.С. Хрущёва. По понятным причинам, все свелось к личности автора, создавшего информационный повод, – усилия других остались в тени. Для обычной публикации это справедливо, менее справедливо – приписывать успех фильма актеру, игнорируя сценариста, режиссера и оператора. Но здесь случай особый.

«Социальный заряд» Солженицына вырос мгновенно до огромного размера, и дальнейшее вспыхнуло, как пожар. В высказывании А.А. Ахматовой о том, что эту повесть должен прочитать каждый из двухсот миллионов граждан СССР,

необходимости не было: несмотря на взрывное тиражирование рассказа, в библиотеках стояли очереди на прочтение. В «один день Александра Исаевича» – 18 ноября 1962 года – он стал знаменит. Информационная дамба была пробита, и к автору «Денисовича» потекли письма со всех концов страны, побуждая его к расширению темы. Далеко не всякий выстоял бы под свалившейся на него глыбой славы, информации и ответственности. Далеко не всякий отважился бы продолжать методичную разработку страшной темы – сложную, трудоемкую, изобилующую массой преград, чреватую последствиями для исследователя…

К сожалению, описанную бифуркацию мы можем обсуждать только в общих чертах. Возможности точного анализа подобных социальных явлений весьма ограничены. Наука в этом отношении напоминает пока ситуацию в химии до Менделеева, когда в многообразии химических элементов и их соединений не улавливали закономерностей (то же происходило с многообразием элементарных частиц до появления системы их классификации). Математические модели поведения социума далеки пока от совершенства, хотя нынешний прогресс аналитического подхода к социальным явлениям отрицать нельзя.

5. После «Нового мира»

Как и всякая система после бифуркации, социум изменился. Ненавистники режима вздохнули с надеждой, почувствовав пресловутый «ветер перемен», который в нашем отечестве неизбежно меняет потом направление: видимо, не соответствует некой установившейся розе ветров. Что же касается сторонников режима, то, кроме озлобления в адрес публикации, у них возникли естественные опасения, которые оказались напрасными. Распределение первых и вторых по социуму имело важный для конечного результата перекос: во властных структурах преобладали вторые, ибо принадлежность к таким структурам по определению предполагала соответствующую «школу». В итоге импульс 1962 года стал не просто рассеиваться, что вообще свойственно диссипативным системам, – его стали последовательно превращать в компенсирующую противоположность (нечто подобное произошло потом и с демократизацией 1990-х).

Что же касается возмутителя спокойствия, то при таком «тренде» его судьба была предрешена: сначала А.И. Солженицына «провалили» в комитете по литературной (Ленинской) премии, потом, в дискурсе прежних времен, стали предавать анафеме, для чего у нас есть излюбленный прием – обвинение в отсутствии патриотизма: противник власти устами оной всегда приравнивается к противнику страны. Издания «Ивана Денисовича» как опасный раздражитель стали изымать из книготорговли и библиотек, уничтожать и даже преследовать тех, кого обнаруживали за запретным чтением (студентов, например, исключали из вузов).

Былой режим стряхнул внезапно свалившееся на него наваждение. Возможно, России свойственно волнообразное восстановление подобного режима в разных модификациях.

Дальнейшее хорошо известно и к нашей теме не относится. Остаются лишь два вопроса: в чем «сухой остаток» описанной бифуркации и что помешало тому же автору аналогичными средствами вызвать ее позже.

Несмотря на меры, принятые властью, хрущевская «оттепель» вообще и «Иван Денисович» в частности изменили «параметры порядка» социума, характер его неустойчивостей и новых критических точек. В сознаниях миллионов возник некий сдвиг к свободе, мыслящая часть общества потянулась к запрещенной информации, молодежь крутила пленки с запрещенной музыкой, народ «доставал» запрещенные книги, а «диссидентство» получило дополнительные основания, стало множиться и ветвиться. Количественно незначительная социально активная часть общества была важна качественно, поскольку определяла потенциал его будущих бифуркаций и его развитие.

Разумеется, одного Солженицына здесь было мало – его следует рассматривать в ряду других фигур, других обстоятельств и других событий. Более того, при всей грандиозности и значимости его нового произведения того же рода – «Архипелага», он не мог уже произвести в России того резонанса, который сопровождал «Денисовича». Несмотря на то, что это обширное исследование построено на огромном фактическом материале, ему в отличие от «Ивана Денисовича» уже не позволили сколь-нибудь заметно проникнуть в «тело» социума – он остался подпольным чтением диссидентских кругов и иной мыслящей, хотя и менее активной публики. Более глубокому и «чувствительному» проникновению в социум мешала также некоторая архивная «академичность» произведения, отдалявшая его от массового читателя.

Конечно, сведения, что, например, в 1919 году расстреливали по спискам и просто сажали в тюрьму научные, инженерные, университетские и литературно-художественные кадры, а также, например, «за сокрытие соцпроисхождения», звучат для непосвященных чудовищно. Информация, что с этого же года сопротивление расширенной продразверстке вызвало двухлетний поток арестов, также звучит не лучше. И вообще: «Не было такого поступка, который не мог быть наказан с помощью 58-й статьи. Ее 14 пунктов, как веер, покрыли собой всё человеческое существование».

Собранный в «Архипелаге» перечень персоналий, «дел» и массовых расстрелов производил угнетающее, давящее, страшное впечатление. Для сравнительно узкого круга читателей, которым «Архипелаг» был интересен и доступен, он подводил под их личные или известные им трагедии некий «общегосударственный базис», сконструированный сталинизмом. Однако по названным выше причинам при всей масштабности исторической ретроспективы «Архипелаг» оказался много дальше от критической точки социума, чем весьма частный и «однодневный» «Иван Денисович». Да, он подпитывал одних и отторгался другими, но ни тех, ни других не мог изменить кардинально. Первые и без «Архипелага» уже были внутренними или активными диссидентами. Они могли цитировать друг другу абзацы и обсуждать, во что у Солженицына превратились «бесы» Достоевского – ведь Петр Верховенский и Игнат Лебядкин – это, в сущности, прообразы… и т. д. Но все это мало сказывалось на их жизни и деятель-

ности, разве что в какой-то степени добавляло понимающих и сочувствующих сторонников. Что касается их преследователей и антиподов, то Солженицына и его труды они не воспринимали по определению. По всем этим причинам в «Архипелаге» уже не было того насущного социального запала, которым отличался «Иван Денисович». Если «Денисович» – это девятый вал, то «Архипелаг» – постоянно и грозно волнующееся море.

Тем не менее, такую книгу в отношении влияния на российский социум нельзя недооценивать: она сопоставима с некоторыми трудами других русских «диссидентов», возможно с «Что делать?» Н.Г. Чернышевского.

6. Девяностые и далее

«Вермонтский затворник» продолжал воздействовать на российский социум, а также на Запад и Восточную Европу трудами, статьями, письмами, интервью и фактом своего существования.

Роль Солженицына вроде бы актуализировалась для родной страны в 90-е годы прошлого века: с 1989 года его произведения вновь стали публиковать, а в 1994 году он и сам вернулся на родину. Несмотря на то, что герой 1962 года был у истоков событий нового времени, степень и характер его влияния на российский социум изменились существенно, что свойственно диссипативной системе: то, что влияло на нее до бифуркации, после нее может оказаться менее актуальным или вообще несущественным. Одна из причин уменьшения чувствительности России к Солженицыну – проявление корня «би» в слове «бифуркация».

В простых диссипативных системах, таких, например, как «ячейка Бенара», результат бифуркации вполне можно предвидеть: при таких-то условиях жидкость структурируется в виде ячеек, похожих на пчелиные соты. Если же пытаться прогнозировать поведение столь сложной системы, как социум, то без глубокого просчета трудно предсказать не только конечные плоды бифуркации, но и всех джиннов, которые выскочат при вытаскивании «пробки свободы». В России думать о просчетах было некому, некогда и «демократизировалась» она вовсе не так, как ожидали сбросившие режим массы во главе с новыми вождями. Не оправдала она и ожиданий Солженицына: он мыслил будущее России в одном из вариантов «особого пути» – своеобразной архаики и национализма такого рода, который совершенно не приемлем в многонациональном государстве. Однако до таких высот, как православные дружины, извлеченные из далекого, причем не лучшего прошлого, или казачьи патрули в качестве рецензентов современного искусства, он не добрался…

Собственно, не только идею демократии, но и любую другую, сколь угодно важную легко дискредитировать, например, идею применения стволовых клеток. Для этого вполне достаточно создать медицинский центр, сулящий лечить любые болезни, не проведя перед этим глубоких клинических испытаний. В России 90-х не те стволовые клетки социума и (или) не так были «пересажены» для регенерации его больных органов, отсутствовала адекватная информированность и коопе-

рация внутри огромных по численности и функционально разных по отношению к происходящему пластов турбулентной системы. Кроме того, свободы оказалось, увы, слишком много, чтобы этим не воспользовались асоциальные, в том числе уголовные, элементы социума и разного рода хищники.

Положение было критическим, к тому же не хватало времени для глубокого анализа. Однако социуму требуются не объяснения и оправдания, хотя «пикейные жилеты» с увлечением отдаются этому занятию. По большому же счету, ему важен сухой остаток, возникший после турбулентности, а он оказался таким, что в народном сознании идеи незнакомой доселе демократии обрели отталкивающий вид и оказались дискредитированы так, как не мог бы и мечтать иной манипулятор, сознательно поставивший себе подобную цель.

Собственно, на вопрос, что такое «демократия», получить внятный ответ непросто не только в России. Слово стерто, и в зависимости от места, времени, хода событий и их интерпретации на его «основе» может осесть что угодно, например, такие коннотации, как «демократизаторы»-дубины и прочие бандиты-олигархи. В результате А.И. Солженицын, как и другие мыслители и деятели, желавшие России добра и процветания и имевшие потенциал воздействия на нее, оказались далеки от ее новых «параметров порядка».

Возможно, вдали от родины Александр Исаевич чувствовал эти нюансы недостаточно точно. Возможно, действовал вопреки чувствам. Во всяком случае, в контексте наступивших перемен он был фигурой харизматичной – это не оценка, а констатация факта (авторские оценки не входят в цели настоящей работы). Он имел основания полагать себя кем-то вроде российского Вацлава Гавела и ожидать соответствующей востребованности, а такие вещи побуждают человека сместиться с писательства, имевшего лишь косвенное отношение к политике, на более активное ее поле.

Чувствуя себя нравственным поводырем, он проповедовал народовластие, хотя оптимизма по поводу будущего России не испытывал. В статьях, выступлениях и интервью он пророчествовал о ее «предгибельном» состоянии: после семидесятилетнего «обескровливания» ее возрождение невозможно по двум причинам. Во-первых, большевики «выжгли и вытоптали душу народа» и, во-вторых, «постсоветский режим центральной власти похож на коммунистический, а олигархия и безответственность правящей верхушки не даст народу подняться на социальный взрыв». При этом, по его мнению, не только советский, но и постсоветский режим обречён, а «под его руинами будут погребены поколения вместе со всеми их надеждами и чаяниями» [6].

Несмотря на столь «оптимистичный» прогноз, Солженицын все же хотел бы видеть будущее страны, основанное на нравственности, православной вере и национализме. «Мы должны строить Россию нравственную или уж никакую…

---

[6] Солженицын А.И. Публицистика. URL : www.solzhenitsyn.ru/proizyedniya/publizistika/

Все добрые семена, какие на Руси ещё чудом не дотоптаны, – мы должны выберечь и вырастить…» [7].

Слышали его плохо. И дело, по-видимому, не столько в том, что политика была для Солженицына не вполне органичным занятием, сколько в особенностях нового российского социума. Он оказался во власти многофакторной турбулентности и перманентных бифуркаций не лучшего свойства, но значительной интенсивности в результате различных воздействий на новые параметры порядка.

Один из них – материальная сторона бытия – неожиданно для большинства стал главным, что привело к расслоению общества по непривычным признакам. В результате для преуспевающих деятелей и новых властных структур Солженицын оказался почтенным человеком, произносящим, тем не менее, сентенции, малозначимые для реальной российской жизни. Что касается миллионов обедневших и униженных, которые не нашли в себе сил, чтобы начать свое дело или, опустив планку морали, влиться в доблестные ряды авантюристов и уголовников, то им было не до Солженицына. Чрезмерное количество долгожданной свободы диалектически обернулось качеством, противоположным ожиданию. Из поколения в поколение российский социум приучали к навязанным извне простым и понятным (хоть и не всегда приятным) правилам жизни, а открывшаяся бездна настоятельно требовала непривычных инициатив и создавала серьезный психологический дискомфорт.

Как уже упоминалось, интерпретация свободы у каждого своя, однако целый пласт социума оказался без интерпретации. Он лишь пассивно наблюдал происходящее, ощущая раздражение и нечто вроде потери идентичности, которая раньше определялась предсказуемостью будущего, принадлежностью к великой стране и ее ценностям. Даже если человек какие-то стороны жизни отвергал, это его тоже с ними соединяло – именно через привычное, многолетнее отрицание.

Конечно, привязанность к другу или врагу имеют разное содержание и порождают полярные эмоции, но в обоих случаях утрата объекта привязанности создает лакуну – более или менее глубокую в зависимости от того, появляется ли другой объект. Здесь же в качестве другого объекта предлагалась лишь возможность наживы, презираемая в течение предшествующих десятилетий и к тому же ограниченная бандитскими способами изъятия собственности. В таких условиях у массы людей возникло разрушительное ощущение пустоты, сродни потере точки опоры. В каком-то смысле оно противоположно «гордости за державу». Отсюда совсем недалеко и до пробуждения рудиментов психологии крепостного права и пересмотра плюсов-минусов прежней жизни. В результате значительная часть народа – кто бы мог подумать! – стала ностальгировать по «сильной руке», гарантированному пайку, минимальной социальной защите и прежнему «порядку».

Никто не счел нужным «опускаться» до обедневшей и растерянной части социума, не объяснил, что порядок можно строить на иных основах, не нарисовал

[7] Там же.

траекторию к нему, не вычленил на ней этапы с их плюсами и минусами, не озаботился структурами переходного периода и вовлечением народа в участие. «Объяснители» были заняты «обустройством России» вокруг собственного первичного накопления или спасением экономики от окончательного краха. Кто в таких случаях подбирает «бесхозный» народ? Правильно – тот, кто, апеллируя к базовым первобытным чувствам, указывает путь к простой и доступной деятельности. «Вон они – западники, которые продались и теперь разваливают!» – и народ бросается в антиамериканизм и прочие анти-, вместо того чтобы последовательно строить собственную жизнь. «Вон они – инородцы, ату их!» – и часть народа примыкает к фашистам, даже если с этими «инородцами» хлебали в окопе из одного котелка – в войне с теми самыми фашистами. «Вон они – гастарбайтеры, понаехали тут, работу отбивают и болтают не по-нашему!» «Вон они – новые буржуа!»…

Надо ли в таком контексте удивляться повышению рейтинга всенародно сброшенной коммунистической партии (на что не влияет даже ее перерождение)? Надо ли удивляться глухоте к ее ненавистнику Солженицыну, который в ряду с другими деятелями требует от народа каких-то собственных движений среди непонятной свободы, а она – вон уже к чему привела?

Эта, казалось бы, более чем странная для России трансформация имеет прямое отношение к одному из органичных свойств диссипативной системы – рассеянию, в данном случае – исторической памяти. Наряду с «чистой» диссипацией, связанной со «стрелой времени», здесь действуют еще и важные психологические факторы: неосознанное вычленение позитива прошлой жизни (как бы рассматриваемого под лупой) на фоне отторгаемого ее негатива. Такая аберрация свойственна не только коллективной, но и индивидуальной памяти. В результате воспоминания о репрессиях в среднем стираются (если их не освежают в новой жизни), а напоминания начинают «надоедать». Этому способствует приток поколений, только слышавших о такой стороне истории родного отечества, и некоторые интерпретаторы, внедряющие мысль, что численность репрессий преувеличена антипатриотическими силами, а их необходимость диктовалась «изломом» истории и «высшими» аргументами «особого пути».

Надо сказать, что это отнюдь не специфическое свойство одной только России. Например, Германия после Первой мировой войны представляла собой неустойчивую диссипативную систему, беременную бифуркациями разного рода. Одна из них и была реализована, благодаря умелому воздействию манипуляторов на чувствительные точки социума: возрождение занятости (неважно, под каким предлогом) и возможность реванша, корректирующая униженное самосознание.

Историческая память может вызывать гордость, но может нести и бремя, вызывающее естественное желание его сбросить. Той же Германии уже после Второй мировой войны надоели бесконечные напоминания о вине перед Европой, миром, евреями. Где-то она откупилась, где-то признала вину. В законах, во внутренней и внешней политике старательно изымаются любые возможные аллюзии, связанные с прошлым, правительство демонстративно поддерживает усилия Израиля по укреплению своей безопасности. Однако если бы кому-то удалось сделать объективный срез внутреннего состояния немецкого социума, то картина оказалась

бы много богаче. Об этом свидетельствуют отдельные всплески, прорывающиеся сквозь созданную оболочку. Достаточно упомянуть недавно нашумевшее стихотворение Гюнтера Грасса «О чем нужно говорить», которое вызвало весьма сильную и неоднозначную реакцию в немецком (и не только немецком) обществе – от резкого осуждения до сдержанного дистанцирования.

Итак, для полярных слоев российского социума девяностых и двухтысячных Солженицын со всей своей достойной биографией борца и «страдальца за народ» и своим «обустройством России» пришелся не ко двору и оставался одинок. С «технологической» точки зрения такой итог не удивителен: трудно припомнить, чтобы один и тот же человек, не имевший отношения к рычагам власти, мог в разделенных временем обстоятельствах с сопоставимой эффективностью воздействовать на диссипативную систему по имени «социум». Одного такого эпизода более чем достаточно, чтобы стать исторической фигурой, и А.И. Солженицын оказался в этом отношении на высоте.

Как состоявшаяся историческая фигура он вызывал и вызывает глубокое уважение одних, ненависть других и сложное отношение третьих. Для полноты картины сюда нельзя не добавить равнодушных, которые в социуме составляют большинство. Их влияние на его эволюцию недооценивать тоже нельзя: «Не бойся врагов – в худшем случае они могут тебя убить. Не бойся друзей – в худшем случае они могут тебя предать. Бойся равнодушных – они не убивают и не предают, но только с их молчаливого согласия существуют на земле предательства и убийства».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Азинцев, С.Е. Локальность и глобальность [Текст] // Экономические стратегии. Институт экономических стратегий ООО РАН. – 2012. – № 4–6.

2. Фромм, Э. Бегство от свободы [Текст] : моногр. / пер. с англ. Г.Ф. Швейника. – М. : Прогресс, 1990. – 267 с.

3. Фрейд, З. Психология бессознательного [Текст] : моногр. / пер. с нем. – М. : Просвещение, 1989. – 447 с.

4. Ошо, Р. Творчество [Текст] : моногр. / пер. с англ. И. Потаповой. – СПб. : Весь, 2004. – 192 с.

5. Солженицын, А.И. В круге первом [Текст] / [предисл. авт.] // Собр. соч. – Вермонт ; Париж : YMCA-Press, 1978. – Т. 1. – 418 с. – Т. 2. – 404 с.

6. Солженицын, А.И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956 [Текст] // Собр. соч. : в 9 т. / [ред. Н. Солженицыной]. – М. : Терра, 1999–2001. – Т. 4. – 607 с. – Т. 5. – 655 с. – Т. 6. – 594 с.

7. Солженицын, А.И. Один день Ивана Денисовича [Текст] // Новый мир. – 1962. – № 11. – С. 8–74.

8. Солженицын А.И. Публицистика [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.solzhenitsyn.ru/proizyedniya/publizistika/

S.Ye. Azintsev

RUSSIAN SOCIETY AND SOLZHENITSYN: A PERSONAL INTERPRETATION

Russian Society contemporary with Alexander Solzhenitsyn is viewed as a complex dissipative system, unstable though living according to rigid rules imposed by the authoritarian regime. Unstable dissipative systems are exposed to turbulence and bifurcation. Russian society suffering from lack of freedom, absence of rights, and repressions, was severely shaken by Alexander Solzhenitsyn's revelations in 1962. Russian society has changed through Solzhenitsyn's literary work but it has also become less sensitive to literary influence. In the 1990s Solzhenitsyn was no longer able to initiate changes, partially because of changes in Russia's social development.

history, dissipative system, consciousness, creativity, conformism, bifurcation, authoritarianism, freedom, rights, repression, «One Day in the Life of Ivan Denisovich», «The Gulag Archipelago», the 1990s and 2000s.